

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Любовь
и птеродактили



Смешные детективы

Елена Логунова

Любовь и птеродактили

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логунова Е. И.

Любовь и птеродактили / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2022 — (Смешные детективы)

ISBN 978-5-04-164876-3

Люся Суворова и ее друг Петрик удачно совмещают приятное с полезным: они приезжают в приморский поселок, чтобы провести очередное заседание женского клуба «Дорис», где оба трудятся под руководством Люсиной институтской подруги Доры. Необременительная работа вовсе не мешает отдыху, и все идет неплохо, пока друзья, отправившись на морскую прогулку, не замечают пустующий катер. Оказывается, что его пассажиры пытались погрузиться с аквалангом, но, не умея с ним обращаться, погибли. А позже выяснилось, что это старый знакомый Люси с Петриком — бизнесмен Афанасьев, и они уже не смогли остаться в стороне. Ведь есть серьезные подозрения, что утонуть бизнесмену и его любовнице помогли!

Смешные детективы Елены Логуновой — это увлекательные интриги, веселые приключения и блестящий авторский юмор. Ее героини легко и изящно распутывают хитроумные преступления, всегда оставаясь самыми обаятельными и привлекательными!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-164876-3

© Логунова Е. И., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Вместо пролога	6
Пятница-развратница	10
Суббота. Не было заботы...	22
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Ивановна Логунова

Любовь и птеродактили

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Логунова Е. И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

Вместо пролога

Кире представлялось, будто все люди похожи на те или иные предметы. Даже не внешне, а вообще...

В суть этого она не вникала, но давно уже завела воображаемый шкафчик, где на полках-клеточках, снабженные ярлыками с ФИО, помещались предметы, связанные со знакомыми ей людьми крепче, чем куклы вуду.

Лидочка, соседка по кабинету, была похожа на ярко-розовую пластмассовую пуговицу. Круглую, блестящую, легкую. Дешевую, но полезную и нужную: потеряй-ка такую с любимого ситцевого халатика, придется одежду выбрасывать – не походишь же с дырой на пузе.

А Кондратий, Кондрат Егорович, был точь-в-точь как засохшая кисточка.

Кира прищурилась.

Точнее даже – не кисточка, которая инструмент художника, а пошлый помазок для бритья! Старый, затвердевший, весь в неаппетитном засохшем месиве. Фу, гадость!

Кира вздохнула и поместила помазок на самую дальнюю полочку своего воображаемого шкафчика. Иначе бесхозная гадость будет замусоривать ландшафт: путаться под ногами, болтаться из угла в угол и даже закатываться в девичьи фантазии, где ей вовсе не место.

– Все поняли, барышни? – настойчиво уточнил противный Кондратий, не подозревающий, что его только что засунули на дальнюю полочку.

Он не мог догадаться, о чем думает Кира, но ее недобрый прищур ему явно не понравился.

– Еще раз повторяю: явка обязательная, форма одежды парадная. А кто будет саботировать мероприятие, тот за это заплатит.

– В смысле? – Кира очнулась, закрыв воображаемый шкафчик.

– Стоимость праздничного банкета в пересчете на персону – три тысячи рублей, – охотно пояснил человек-помазок. – Придешь – молодец, ешь-пей-гуляй за счет компании. Не придешь – бухгалтерия вычтет три косяра из твоей зарплаты.

Кира оглянулась на Лидочку – мол, ты это слышала? И как тебе?!

Пуговичной Лидочке было нормально. Она, не дрогнув, так и тарасила на Кондратия круглые голубые глаза, красивые и бессмысленные, как у куклы.

– Вижу, все поняли, – резюмировал Кондратий, вполне удовлетворенный ее реакцией, и наконец удалился, плотно прикрыв за собой дверь их кабинета.

– Фу-у-ух! – Лидочка выдохнула, в ее остекленевшие глаза вернулся живой огонь. – Какой же он противный, наш Кондрат Егорыч!

– Как старый засохший бритвенный помазок, – кивнула Кира.

– Похож! – Лидочка засмеялась, но внимательно посмотрела на нее и стерла с лица улыбку. – Эй, Кирка...

– Ты еще лопаткой меня назови! – огрызнулась Кира.

Себя она ни с какими предметами не ассоциировала.

– Ну, Кирюш... Ты же придешь? Не продинамишь родной коллектив? – не отцепилась Лидочка.

– А смысл?

Кира всегда не особо любила корпоративы, а с таким «родным коллективом», как сейчас, вообще ничего праздновать не хотела. Егорыч, старый помазок, конечно, это почувствовал, иначе не распибался бы тут битых полчаса.

Ему, наверное, шеф велел любой ценой обеспечить явку на мероприятие женской части коллектива. На Новый-то год, по рассказам, случился афронт: все дамы, как сговорившись, на корпоратив не явились, и вместо буйной гулянки, которой жаждала просторная душа шефа, у

офисных мужиков получилась тихая скучная пьянка. Говорят, они весь вечер сидели, уткнувшись в свои гаджеты. Бедняга шеф от нечего делать тоже полез в свой смартфон, пошел кутить на криптобиржу да и спустил там жирненький кусочек биткойна, который сразу после праздников попер в рост, как японский бамбук. Ясное дело, повторения той печальной истории шефу не хотелось.

– Какой смысл? – повторила Лидочка, снова вытаращив стеклянные пуговичные глаза. Подумав немного, она растопырила пятерню и стала показательно загибать розовые пальчики с дешевыми колечками. – Во-первых, вкусно поешь и выпьешь за счет конторы. Во-вторых, купишь себе по такому поводу красивое новое платье. В-третьих, получишь кучу комплиментов. В-четвертых, будут конкурсы с призами, обещали – с хорошинами.

– А в-пятых?

Четыре приведенных аргумента Киру не убедили.

– В-пятых...

Лидочка посмотрела на свой кулак – четыре пальца загнуты, один большой торчит – и перевернула его вниз, как кровожадный зритель на гладиаторских боях:

– А в-пятых, ты добьешь Филимонова!

Кира закатила глаза.

Вася Филимонов был офисным системщиком. Кира не сомневалась, что при полном параде сразит его наповал, но он вовсе не нужен был ей ни поваленным, ни даже слегка покосившимся, и уж тем более – коленапоклоненным. Ее вполне устраивал системщик в меру заинтересованный, робко флиртующий – услужливый. В компании, где восемьдесят процентов персонала – мужчины и каждый второй из них компьютерный гений, девушке с дипломом филолога живется и работается непросто. Хотя платят тут хорошо.

Кира до сих пор не могла понять, как ее занесло в такое странное место. Все ее однокурсницы – парней на филфаке не было от слова «совсем» – теперь работали либо в СМИ, либо в пиар-отделах банков, операторов сотовой связи, компаний-застройщиков, а особо невезучие преподавали литературу и русский язык деткам в школе. Кира же как-то угодила в «Супертокен».

Толком объяснить, чем занимается их контора, она не смогла даже папе с мамой. Начала было рассказывать про децентрализованные финансы, блокчейн и криптовалюту, но мама стала креститься – свят-свят-свят! – а папа спал с лица и молвил угрюмо:

– Ты только не вкладывайся там ни во что. Знаем мы эти пирамиды...

В свое время папа сильно погорел на «МММ» и пирамид теперь боялся так, что даже на отдых в Египет с ними ехать отказался. Хотя разобиженная мама прямо называла папину пирамидофобию «гнилой отмазкой» и даже требовала от Киры помочь ей разоблачить «подлого изменщика» – это папу-то!

Папа у Киры ассоциировался с кубом – простым, увесистым, надежным, крепким, как бетон. Представить эту массивную фигуру «втихую увивающейся за юбками» (формулировка мамы) было невозможно. Пади папуля к чьим-нибудь ногам – не обошлось бы без грохота.

Мамуля у Киры ассоциировалась с шерстяным одеялом, немного колючим, но очень теплым. Согревающим, укрывающим, обволакивающим. Иногда удушающим.

Когда тебе двадцать три, материнская забота бывает очень дискомфортной.

Женька, подружка со школьных времен, виделась Кире кактусом. Маленьким, миленьким, сложенным из пушистых на вид шариков мал мала меньше – вроде снеговика, только зеленого цвета. Кактус Женька был совсем не колкий и поразительно красиво цвел.

Соседка Вера Яковлевна была у Киры бамбуковой палкой. Узловатой, до блеска отполированной. Легонькой, но весьма ощутимой в контакте, особенно если с замахом и оттяжкой...

Митя, бывший сердечный друг, оказавшийся – в терминологии мамы – подлым изменщиком, сначала виделся Кире слегка подтаявшей плиткой горького шоколада, а потом – соба-

чьей, пардон, какашкой. А однокурсница Варька, с которой Митя крутил за Кириной спиной, всегда представлялась ей мятым бумажным стаканчиком.

Кому Кира еще не подобрала никакого аватара, так это шефу, Максиму Петровичу Горетову. Просто не было случая: с ним она пока не встречалась, потому что работала в «Супертокена» только второй месяц, а шеф все это время пребывал где-то далеко.

Продвинутый бизнес не требовал постоянного присутствия руководителя в офисе, и он прекрасно управлял делами дистанционно, преимущественно на значительном расстоянии. В данный момент он, по слухам, находился где-то в Европе, куда по весне метнулся на выходные – пивка попить, но угодил под локдаун и застрял надолго.

Кира подозревала, что эта версия – такая же гнилая отмазка, как папина пирамидофобия: если бы шеф захотел, то смог бы позволить себе убраться из зачумленной Европы спецрейсом. У него для этого было достаточно денег – вернее, битков и эфиров. Только, похоже, особого желания не имелось возвращаться на милую родину вообще и в офис «Супертокена» в частности.

И то сказать, чего он тут не видел?

На следующий день после ультиматума, поставленного им с Лидочкой противным Кондратием, Кира пришла на работу пораньше – часа за два до установленного начала трудового дня. На вечер у нее были планы, хотелось освободиться досрочно, но при этом не нарушать трудовую дисциплину, а тут же как? Раньше сядешь – раньше выйдешь.

Но попасть в офис в семь утра не получилось. Ночной сторож, который мог бы открыть дверь ранней пташке, то ли безответственно спал, то ли вообще отсутствовал на месте. Возможно, тоже отпросился с работы пораньше?

Кира позвонила, постучала, подергала запертую дверь, попинала ее ногой и мрачно огляделась. Вокруг не было ни души. То есть люди по улице шли, но не те, от которых можно было ожидать, что они откроют Кире дверь «Супертокена».

Потом к крыльцу подкатила шикарная дорогая машина, из нее вышел парень лет тридцати и направился напрямик к Кире. Та глянула и чуть не ослепла: парень был похож на искрящийся бриллиант, для которого в воображаемом шкафу даже места не имелось – такому сокровищу только под стеклом на черном бархате лежать.

На типичного представителя коллектива «Супертокена» он ничуть не походил. Тот был хил, сутул и блистал не ровными белыми зубами, а исключительно интеллектом. При этом типичный представитель слабо замечал реалии офисной жизни и коммуницировать с миром предпочитал на языке компьютерного кода.

Парень же, орлом взлетевший на высокое крыльцо, был плечист, мускулист, похвально общителен и дружелюбен: потеснившуюся Киру он одарил шикарной голливудской улыбкой.

Она смутилась. Улыбчивый незнакомец был хорош и пригож, только одет не к месту, да и не ко времени. На нем красовался в высшей степени неформальный трикотажный костюмчик – гибрид пижамы и летнего комбинезона. От пижамы была расцветка – темно-зеленые пальмовые листья на розовом фоне, от формы пилота – нашивки на рукавах и массивная металлическая молния от горла до самых причинных мест, сейчас наполовину расстегнутая и открывающая для восторженного любования выпуклую загорелую грудь.

Кира отвела взгляд. Не то чтобы она была против посмотреть на красивое мужское тело, да еще и бесплатно. Нет, просто противный Кондратий – офис-менеджер по должности, завхоз и красный комиссар по сути – без устали гонял ее за слишком, по его мнению, короткие юбки и тонкие блузки. Хотя Кира с трудом, но все-таки держалась в узких рамках дресс-кода!

Тут ее смущение смысла волна раздражения: ей, значит, с декольте никуда, кроме как на праздничный корпоратив, нельзя, а кому-то можно являться в их офис полураздетым?!

Это было несправедливо и обидно. Кира нахмурилась, но красавчик дружелюбно спросил:

– В «Супертокен»? – и оглядел симпатичную девушку с живым интересом.

– На работу, – буркнула она, смущаясь.

– Серьезно? – Парень изобразил удивление, потянул на себя дверь, обнаружил, что та заперта, повторил все недавние действия Киры – позвонил, постучал, подергал, попинал, – и нарочитое удивление на его лице превратилось в недовольную гримасу.

Он похлопал себя по бедрам, вытянул из бокового кармана ключи от машины и, посмотрев на них с недоумением, будто ожидал вытащить что-то другое, перевел взгляд на Киру:

– Где будем ждать, в моей машине или...

– Вот там есть горячий кофе и свежая выпечка, – быстро сказала Кира, кивком указав на круглосуточный супермаркет неподалеку.

Садиться в шикарную машину с роскошным красавчиком она не рискнула.

– Кофе – это хорошо, – согласился парень и легко сбежал с крыльца, на ходу с насмешливой улыбкой оглянувшись на робеющую Киру: – Ты как, со мной или тут покукуешь?

– С тобой, – прошептала Кира одними губами, а ее ноги уже сами перебирали ступеньки крыльца.

Не верьте, что нельзя влюбиться с первого взгляда. Что там соседний супермаркет? Кира сразу почувствовала, что готова идти за этим парнем хоть на край земли.

Пятница-развратница

– Я готова была идти за ним на край земли, и вот я здесь, а он где? – прохныкала девица и хлопнула то ли носом, то ли коктейлем.

Я на нее не смотрела, но за слова уцепилась:

– Хочешь сказать, что тут край земли?

– Ну, дальше-то море, – резонно ответила девица.

Как там ее? Вера, Ира? Я не запомнила имя нашей случайной собутыльницы.

– Нет в жизни счастья! – мрачно резюмировала Доронина и выпила свой мохито залпом и с таким лицом, будто это был кубок с ядом.

– Тс-с-с! – одернула я ее и торопливо огляделась – не слышал ли кто. – Хочешь испортить налаженный бизнес?

Дора Доронина – основатель и председатель клуба «Дорис», название которого расшифровывается как «ДОставка Радости И Счастья». Ей кричать, что таковых не существует, – все равно что рубить сук, на котором мы сидим.

Мы – это я, пиарщик клуба и правая рука Доры, Петрик – дизайнер и имиджмейкер, Эмма (он же Витя) – мальчик на побегушках и актер второго плана, а также наш новый водитель Артем.

– Ох, сказала бы я тебе, чего хочу... – Доронина требовательно пощелкала пальцами, и бармен Никита сноровисто смешал ей еще один коктейль.

Четвертый, кажется. Или пятый? Я не следила за Дорой – было зрелище поинтереснее.

– Да знаю, знаю. – Я успокаивающе похлопала подругу-начальницу по плечу. – Не переживай так, будет еще праздник и на твоей улице. А завидовать нехорошо. Давай лучше порадуемся за нашего дарлинга.

Собственно, дарлингом я и любовалась, пока Доронина размеренно накидывалась коктейлями, а незнакомая девица опрокидывала рюмашки в ритме собственной грустной песни о несчастной любви.

Дарлинг наш, ослепительно прекрасный в серебряных плавках и небесно-голубой шелковой бандане на золотых кудрях, возлежал в шезлонге, вокруг которого без устали кружил красавец-брюнет. Он натирал нашего дарлинга солнцезащитным кремом, поил водичкой, кормил клубничкой, обмахивал веером, разминал ему плечи – разве что пятки не чесал. Хотя, может, просто я в этот момент отвернулась.

Смотреть на эту сладкую парочку неотрывно и не впасть в грех лютой зависти было совершенно невозможно. И это мне, у которой есть Караваев, тоже всегда готовый и накормить, и напоить, и почесать, и размять, вообще распусть руки и не только их. А каково такое видеть Дорониной – одинокой женщине в самом расцвете сил?

– Уволю я этого дарлинга, – злобно проворчала Дора. – Все равно для бизнеса он такой бесполезен и даже вреден.

А вот тут она была совершенно права. Пиарщик во мне подобрался и напрягся.

На аудиторию клубных дам Петрик у нас спозиционирован как персональный дарлинг Феодоры Михалны – прекрасный принц-консорт нормальной ориентации.

Где я ей срочно и не дорого нового дарлинга найду – красивого, умного, с тонким вкусом и превосходным гардеробом на все случаи жизни? Не-ет, надо Петрика возвращать в лоно традиционной семьи.

– Сейчас все исправим, – пообещала я и осторожно слезла с высокого барного табурета.

Пол, выложенный теплой терракотовой плиткой, почему-то покачивался, будто палуба корабля. Хм, а я-то сколько коктейликов употребила? Два, три или?..

– Так, мальчики-зайчики! – Приблизившись к Петрику с его верным паладином по изящной волнообразной кривой, я решительно оттеснила брюнета от шезлонга. – Вы увлеклись и рискуете поломать нам рабочий сценарий. Ее Величество Феодора Единственная изволят гневаться и грозят страшной карой.

– Лишением премии? – нервно трепыхнулся чувствительный к любым лишениям Петрик.

– Хуже: увольнением! – припугнула я.

– Все, Артурчик, все! Потехе час, а делу время. – Дарлинг завозился, встал с шезлонга, покачнулся, игривым шлепком отбросил протянутую брюнетом руку помощи и цепко обнял меня за талию. – Пойдем, моя бусинка крепостная, успокоим нашу ревнивую барыню.

– Ты что тут пил? – попрекнула я друга, оценив, сколь он неустойчив: не морально – это как раз не новость, – а физически. – Я думала, Артур тебе водичку носит, а это никак водочка была?! На пляже, на жаре? Фу, как вульгарно, не ожидала такого от вас!

– Помилуйте, Генералюссимус, какая водочка? Слабоалкогольный витаминный коктейлик на швепсе! – обиделся брюнет.

– Ав... Ав... – подтявкнул Петрик.

– Напился, как собака! – досадливо констатировала я.

– Ав-авторский коктейлик-ик! – договорил дружище и накренился, но, к счастью, в нужную сторону – к пляжному бару, откуда на нас, презрительно шурясь и гневно раздувая ноздри, взирала Доронина.

Высокая и крепкая барная стойка удержала нас с дарлингом от окончательного падения в бездну порока. Ой, оговорилась – порога. Он вдруг высоковат оказался.

– Никита, организуй пропойцам похмелин, – вздохнув, попросила Доронина.

– Я сам, я сам! – подоспевший Артур бесцеремонно оттеснил бармена и зазвенел стеклом, готовя целебное снадобье.

Артур Покровский – известный в нашем городе шеф-повар и ресторатор, владелец ряда весьма успешных и респектабельных кормушек и поилок. Недавно, воодушевленный приятными переменами в личной жизни, он решил шире расправить крылья – то есть раскинуть сеть своих заведений – и открыл пару точек в курортных местах у моря. А теперь, можно сказать, приехал с инспекторской проверкой, прихватив и главный катализатор своих счастливых перемен – Петрика.

Тот потащил с собой лучшую подругу – это я, позвольте представиться: Люся Суворова по прозвищу Генералюссимус. За мной, конечно, увязался мой ревнивый и подозрительный сердечный друг Караваев.

А будучи без пяти минут супружеской парой, мы с ним, разумеется, не могли оставить в жарком душном городе ребенка и вывезли на море моего младшего (двадцать три годика) братца Эмму.

Доронина же, вредина и эксплуататорша, никак не хотела давать нам с Петриком отпуск, поэтому мы с дарлингом хитро придумали провести очередное заседание клуба «Дорис» на выезде и отправились как бы в командировку. В компании самой Доры, конечно (какое же мероприятие без нее!), которую привез водитель Артем.

В итоге по принципу «дедка за репку, бабка за дедку, внучка за бабку и т. д.» в уютном частном отеле у моря собралась вся честная компания, чему был особенно не рад Караваев. Мой милый настроился на романтический тет-а-тет, а оказался в гуще цыганского табора.

– Что, и мне? – Получив стакан, я хотела обидеться, что меня тоже записали в пропойцы, но Дора скомандовала:

– Все пьют до дна! – И подала пример, с гусарским шиком опрокинув в себя приготовленное Артуром пойло.

Уффф...

– Ав... – вякнул было Петрик и задохнулся.

– Авторское что-то, – сиплым шепотом согласилась я, энергично обмахнувшись ладошкой. – Из чего это сделано? Ацетон, нашатырь, соляная кислота, свежая бобровая струя? Не все ингредиенты мне знакомы, но бодрит ого-го как!

– Ав-фигеть как! – договорил Петрик, задорно стукнув по стойке стаканом.

От Артурчикова похмелина голова мигом прояснилась, в черепной коробке сделалось пусто, просторно и очень свежо, даже зрение приобрело небывалую резкость. Я вдруг разглядела множество мелких несущественных деталей: кружевную паутинку под тростниковой крышей, божью коровку на оплетающем беседку выюнке, новую подвеску на серебряном браслете Дорониной, татушку на щиколотке незнакомой девицы-плаксы...

– Ой, дарлинг, что я вижу? У тебя биколорный шарм стрекозы Pandora, он же такой редкий, это оригинал? Откуда? – Петрик тоже прозрел и жадно вперился в запястье Дорониной.

– Ну, с возвращением, – одобрила та его интерес. – Узнаю моего дарлинга – неизменно внимательного к деталям ценителя прекрасного... Так, Петрик и Люся! Через полчаса жду вас у себя с докладом о ходе подготовки к нашему мероприятию.

Она вернула Артуру пустой стакан:

– Отличный рецепт, надумаешь запустить в производство – я в доле. – И решительно направилась к бассейну, куда и бухнулась плашмя прямо с бортика, подняв тучу брызг.

– Какой доклад через полчаса, нам еще в душ, потом лосьоном намазаться, на лицо после солнца тонизирующую масочку и с волосами что-то сделать, – несогласно забормотал Петрик, возмущенным взглядом вербуя меня в союзники, но было уже поздно: Доронина бултыхалась в бассейне, игнорируя нас с дарлингом, как величественный кит – несерьезную рыбку мелочь.

– Идем готовиться к докладу, – вздохнула я и потянула друга к белеющему за цветущими деревьями зданию гостиницы.

– Ах, какая прелесть! – в сотый раз восхитился Петрик, мимоходом сорвав пушистый розовый цветок альбиции, она же константинопольская акация или шелковое дерево, и ловко приткнув его под бандану на левом виске. – Ну, чудо же, правда? – Второй пышный розовый помпон он пристроил на правый висок.

– Правда, – согласилась я, хихикнув. – Так ты похож на миленького гламурного Чебурашку.

– Преследуемого зубастым крокодилом! – Петрик понизил голос, сделал большие глаза и стрельнул взглядом за плечо, явно намекая на Покровского, который поплелся за нами. – Ускоримся!

Хихикая, мы ускорились и, просквозив через садик, с разбегу вломились в прохладный сумрачный холл наших апартаментов.

Надо сказать, что устроились мы в приморском поселке по-царски – в двухэтажном апарте, который так и называется: «Люкс короля». Есть еще «Люкс королевы», почти двойник нашего, с его обитателями у нас общая терраса – такая просторная, что при необходимости может заменить собой вертолетную площадку. Поскольку «Люкс королевы» пока пустует, вся терраса находится в нашем единоличном пользовании.

Вообще-то мы с Петриком предполагали скромно обосноваться в стандартном двухместном номере, потому как Доронина – она весьма прижимиста – не оплатила бы нам более роскошное командировочное жилье. Но Караваев, понимая, что при таком раскладе на бурную личную жизнь нам с ним рассчитывать не приходится, объединился с Покровским, и эти коварные богатенькие типы вместе сняли королевский люкс, в котором запросто могли бы разместиться две такие компании, как наша.

Роскошно меблированные комнаты на первом этаже достались мне и Петрику, персональные спальни на втором заняли Караваев и Покровский, и даже для брата Эммы нашлась

прелестная светелка под самой крышей. Водитель Артем, у которого в курортном местечке имелись престарелые родственники, поселился в частном доме у бабушки с дедушкой, а экономная Доронина сняла для себя одноместный «стандарт» в нашей же гостинице, только в другом корпусе – попроще, без архитектурных изысков. Нам, живущим по-королевски, она откровенно завидует, поэтому не упускает случая вынудить подчиненных покинуть роскошные апартаменты и назначает совещания в своей тесной каморке.

Впрочем, у Дориного жилища есть своя изюминка. Поскольку это самый маленький и дешевый номер в отеле, его единственное окно выходит не на море или горы, как у нас, и даже не во внутренний дворик-патио, а в холл. Думаю, это помещение задумывалось как служебное – для ночного сторожа, к примеру. Ажиотажный спрос на средства размещения сподобил владельца переделать сторожку в номер-далеко-не-люкс, но вместе со скромным метражом и аскетичным интерьер-дизайном постояльцы получают весьма необычный вид: в холле установлен огромный аквариум с мелкими серебристыми рыбками. Он аккуратно встроен в ту стену, на которую через неширокий проход смотрит окошко каморки, так что ее обитатель при наличии некоторой фантазии может вообразить, будто прямо за его иллюминатором – морские глубины.

Водобоязнь и клаустрофобией наша начальница не страдает, поэтому снующие за окошком кильки ее не нервируют. Даже наоборот, позитивно настраивают на рабочий лад, ведь символ клуба «Дорис» – маленькая голубая рыбка.

– Приплыли наконец, – проворчала Доронина, когда мы с Петриком после душа и сокращенных до минимума уходовых процедур явились к ней на условный ковер. – Размякли, разнежились тут, еле плавниками шевелите!

Длительное созерцание рыбного мельтешения за оконным стеклом определенно сказалось на системе образов и лексиконе нашей начальницы.

– А вы, между прочим, тут в командировке! И вам, между прочим, надо в работу погружаться, а не в мужском внимании купаться! У вас, мои рыбоньки, между прочим, мероприятие скоро, и очень важное, не чешуевое!

Рыбонька Петрик вскинул плавничок, то есть ручку, как отличник, который просится к доске:

– Дозвольте булькнуть?

– Булькай. – Дора, встретившая нас в позе древнегреческой амфоры – руки в боки, – бухнулась задом на страдальчески заскрипевшую кровать.

– Мы уже определились с запасным местом проведения заседания на случай обещанного синоптиками дождя! – доложил Петрик.

– Надеюсь, не в баре? Вы так сопьетесь, мои рыбоньки.

– Конечно, не в баре, это было бы пошло. – Петрик скривился. – Мы кое-что поинтереснее придумали. Устроимся в холле! – Он кивнул на окно с рыбешками и поспешил объяснить наш гениальный замысел: – Отгородим ту часть, где стеклянная стена-аквариум, зеленой изгородью...

– В смысле, крашеным забором? – нахмурилась Доронина.

– Дарлинг! Я сказал – изгородью! Живой, зеленой, из настоящих деревьев в кадках!

– Ты знаешь, сколько они стоят?

– Нисколько, мы их из нашего люкса принесем, – вмешалась я.

– Поставим по углам прелестные декоративные фонтанчики, – продолжил Петрик, – они очаровательно журчат, в сочетании с аквариумом будет совершенно чудесно...

– И где мы их возьмем, эти фонтанчики?

– Тоже в нашем люксе.

– Да? И что еще мы там возьмем? – Голос завистливой начальницы уже сочился ядом.

– Раковины, – твердо сказала я.

– И унитазы? – не унималась Доронина. – Они у вас там тоже совершенно прелестные?

– Сантехника – высший класс, – не дрогнула я, – но мы тебе про другие раковины говорим. У нас гостиная декорирована в морской тематике, там целая коллекция роскошных раковин, в смысле, ракушек. Мы их возьмем на время, чтобы украсить холл.

– И руль, – добавил Петрик. – Его тоже прихватим. На время. Хотя я и навсегда бы его забрал... Он классный!

Доронина молча посмотрела на меня. В ее глазах прискорбие, вызванное завистью, затейливо мешалось с интересом, обусловленным жадностью. Дора, естественно, уже поняла, что ограбление нашего люкса позволит ей здорово сэкономить на декорировании места действия.

– Это не просто руль, а настоящий корабельный штурвал, – объяснила я. – Такой, знаешь, круглый, деревянный, со множеством торчащих во все стороны ручек...

– Похожих на маленькие скалки или деревянные толкушки для пюре, – добавил Петрик.

Я подумала, что на его лексикон и систему образов заметно повлияла близкая дружба с поваром и ресторатором.

– Штурвал что, тоже из люкса? – не поверила Доронина.

– С террасы, – ответила я. – У нас там есть детский уголок с площадкой-корабликом.

Мы замолчали и выжидательно уставились на начальницу.

– Ну, предположим, – нарочито неохотно согласилась она. – План Б – гостиничный холл с аквариумом, деревьями, фонтанами и ракушками...

– И рулем, – настойчиво добавил Петрик. – Руль будет вишенкой на торте, это я тебе как дизайнер говорю. Представь, как ты будешь смотреться за ним? Как Колумб!

– Ладно, буду с вишенкой. Но план А – по-прежнему шашлык на диком пляже, я уже договорилась с местными, нам покажут самые живописные бухточки! На послезавтра ничего не планируйте, в девять ноль-ноль встречаемся в холле у аквариума и едем смотреть локации. – Доронина успокоенно закрыла глаза и привалилась боком к подушке. – Пока все, к вечеру жду от Люси текст своей речи, а от тебя, дарлинг, эскизы холла для плана Б... Свободны...

Мы с Петриком бесшумно стукнулись в кулачки и поторопились вышмыгнуть из опочивальни нашей строгой барыни.

Мою радость от того, что совещание закончилось на редкость быстро, омрачала лишь необходимость срочно – уже к вечеру! – написать Доре речь, но я понадеялась, что начальница пока что обойдется тезисами, уж их-то я набросаю мигом, мне достаточно тему знать... Ой!

– А на какую тему речь-то? – спохватилась я, сунувшись в окошко Дориной опочивальни.

К счастью, мы с Петриком недалеко убежали.

– На тему секса, конечно же, – ответила Доронина, как будто даже удивившись моему вопросу, и беспокоило заворочалась, скрипя пружинами своего ложа.

– Барыня про секс говорить желают, – поделилась я с Петриком.

– Да не говорить, – усмехнулся мудрый дарлинг. – В том-то и дело... Даже не знаю, может, подыскать нашему Федору Михайловичу кого-то подходящего? Нынче пятница-развратница, а на пляже есть одинокие мужчины, судя по их наружности и экипировке – не особо взыскательные...

– Кого попало брать не будем, – возразила я. – Федор Михалыч у нас еще ого-го!

Дорониной, которую мы называем Федором Михайловичем, как Достоевского, всего-то двадцать семь лет, но в клубе «Дорис» она уже второй год изображает моложавую бабушку и, пожалуй, излишне вжилась в роль. Так что Петрик где-то прав, рядом с ней органично будет смотреться какой-нибудь отставной настоящий полковник. Хотя Дора предпочла бы кого-то помоложе и погорячее...

– Артема надо спросить! – придумал Петрик. – У него тут корни, должен всех знать. Может, из местных мачо кто-то мается в гордом и отвратительном одиночестве... Ты позвони ему, озадачь.

– Позвоню, – согласилась я, потому что идея была недурна. Организовав Дорониной курортный роман, мы бы выкроили больше времени на собственную личную жизнь.

Мы вернулись в свой королевский номер и, условившись встретиться в нашей морской гостиной через два часа, разошлись по своим комнатам, чтобы поработать, как велели нам Доронина и чувство долга.

«Думаете ли вы о сексе? И если да, то КАК вы о нем думаете?» – написала я и, отпустив компьютерную мышку, почесала в затылке.

Зачин речи выглядел неплохо, но подозрительно напоминал незабываемые тягостные раздумья Пятачка о том, любит ли Слонопотам поросят, и если да, то КАК он их любит.

Ладно, буду считать, что это не наглый плагиат, а уместное ситуативное сходство. Главное, чтобы Дора с этим согласилась и не снизила мой гонорар за то, что я тырю тексты из книжки про Винни-Пуха.

Хотя чем плох Винни-Пух? Бессмертная классика!

«Посещает ли вас тревожная мысль: „С сексом надо что-то делать...“?» – написала я. Дальше пошло легче и веселей:

«Прошу не путать вопросы: „Как заниматься сексом?“ и „Что с ним, этим сексом, делать?“.

Первому половозрелых особей учить не надо, хотя я лично с неподдельным интересом читаю занимательные статьи о тантрическом сексе, воспринимая их как волшебные сказки для взрослых. Нет, я верю, верю в восьмичасовые секс-марафоны Стинга и его жены ничуть не меньше, чем в светлое будущее!

Только не понимаю, каким чудесным образом могут найти время для затяжного сеанса тантрического секса те, кто каждый будний день проводит девять часов на работе, три часа в дороге, не менее получаса в магазине и как минимум столько же у кухонной плиты? А еще нужно помыть посуду, одежды всем членам семьи на завтра приготовить, загрузить и разгрузить стиралку, позвонить родителям, почитать книжку, подпилить ногти себе и надавать по лапам коту, раздрающему когтями диван, сделать маску для лица и уроки с ребенком...»

– Ты это о ком и для кого сейчас пишешь? – влез с критическим замечанием мой внутренний голос. – Напоминаю: среди клубных дам нет трудящихся в поте лица, они сплошь богатые бездельницы, страдающие от скуки.

Я снова почесала в затылке, подумала немного и переписала абзац:

«Я только не понимаю, каким чудесным образом могут найти время для затяжного сеанса тантрического секса те, кто каждый будний день проводит четыре часа на фитнесе, три у косметолога, два у парикмахера и с трудом выкраивает час на посиделки с подружками за смузи с безглютеновым десертом?»

Внутренний критик покривился, но промолчал, и я пошла дальше:

«У среднестатистической работающей женщины миллион дел, а не алых роз!»

Критик кашлянул. Я вздохнула и поправила фразу:

«У каждой нормальной женщины миллион дел, а не алых роз! Розы оптом многие из нас получают только посмертно. Но не будем о грустном. Утешим себя тем, что мужчинам тоже нелегко живется, однако они крайне

редко отказываются от вечернего сеанса любовных игр по причине головной боли.

Вот интересно почему? Может, у мужчин головы как-то иначе устроены?

Впрочем, это риторический вопрос. Нас интересует другой – вполне конкретный и жизненный: как на закате долгого многотрудного дня прийти к вечернему сексу в подходящем расположении духа и тела и получить в итоге хороший результат?»

– Не вполне понимаю, почему речь исключительно о вечернем сексе, – снова подал голос мой внутренний критик.

– Просто потому, что заседание клуба, на котором Дора будет произносить эту речь, пройдет в конце дня, – объяснила я.

– Ладно, тогда продолжай.

Но я уже иссякла – вдохновение улетучилось. Я прислушалась, надеясь, что капризная муза мне еще что-нибудь нашепчет, но уловила только приглушенный шум в коридоре. Пока я строчила текст Дориной речи, под дверью вздыхал, шуршал и скребся Караваев.

– Лю-уся, Люсь-люсь-люсь! – призывно посвистывал он. – Ты почему от меня заперлась? Ты что там делаешь?

– Заперлась, чтобы ты не мешал. Я работаю.

– Сейчас? Летом, у моря, в знойный полдень, так располагающий к сиесте с холодной сангрией и спелыми персиками?

За дверью что-то с намеком звякнуло и булькнуло.

– Ты демон-искуситель, – буркнула я, не отрывая пальцы от клавиатуры. – Изыди! Я сочиняю Доре речь про секс.

– Из головы? А если с натуры? Будет живее, красочнее, убедительнее! – страстно зашептал демон.

– За красочность у нас Петрик отвечает, к нему постучись, – сердясь, съязвила я.

Сангрии с персиками захотелось ужасно.

– К Петрику уже Покровский постучался, они там вместе работают. Не хочу даже думать, над чем и как.

– Предполагалось, что над эскизами. – Я вздохнула, закрыла макбук и пошла открывать дверь Караваеву, сангрии и персикам.

Где-то через час мне позвонила Доронина. К этому моменту персики мы с Караваевым съели, сангрию выпили, другими приятными занятиями тоже не пренебрегли, так что Дора, можно сказать, удачно попала, ничему не помешав.

– Люся!

– Да-а-а? – томно откликнулась я.

– А где мои рыбы?

Я нахмурилась, не уловив суть вопроса, и попыталась уточнить:

– Твои рыбоньки? То есть мы с Петриком? А мы...

– Вы в бездне разврата, это понятно, – перебила меня Доронина. – Я спрашиваю, где мои рыбы? Те, из аквариума, которые часть нашего плана Б?

– В смысле? – Я села в постели. – Я же видела их, когда мы приходили к тебе с докладом...

– Так приди и посмотри еще раз! – Дора бросила трубку.

– М-м-м-м? – вопросительно промычал задремавший Караваев, когда я перелезла через него, как через бруствер окопа, и стала торопливо одеваться, точно солдат по тревоге.

– Аврал! – ответила я коротко и вылетела из комнаты.

Петрик, свежий, как майская роза, поливал в гостиной горшечные растения. Я выхватила у него лейку, поставила ее на подоконник и потянула друга за собой.

- Куда? Я в домашних тапочках! – испугался эстет.
- А будешь в белых, если не поторопишься! – Я упорно тащила его на выход.
- Меня кто-то убьет? – заинтересовался он.
- Все-таки наш дарлинг немножечко мазохист.
- Нас обоих убьют! Дора!
- За что? Что мы сделали?
- Без понятия!
- А бежим куда?
- К большому аквариуму!
- Топиться?

Это предположение было столь неожиданным, что я притормозила:

- С чего бы?
- Ну, чтобы Доре не пришлось нас убивать? Мы, типа, сами...
- Это история с утопленницей Афанасьевой на тебя такое неизгладимое впечатление произвела? ¹ Бедный Петрик, – посочувствовала я. – Забудь ты уже то дело, у нас, похоже, новое завелось.

- Какое же?

За разговором мы и не заметили, как добежали до обиталища Доры. В холле я развернула друга в нужном направлении и ответила на его вопрос:

- Дело об исчезновении рыбок из аквариума!
- Не из аквариума, а вместе с ним, – заспорил Петрик, оценив открывшийся ему вид. – Хм, а я и не знал, что аквариум загораживал собой еще один дверной проем. Это было совершенно незаметно.

– Потому что он очень точно вписывался в размеры проема. – Я подошла к стене, в которой теперь зияло аккуратное сквозное отверстие – прямоугольник примерно полтора на два метра. В самом проеме осталась стоять только выкрашенная в цвет стены тумба, прежде выполнявшая роль подставки. – Совсем как в детской развивающей игрушке – знаешь, такой кубик с дырками разной формы, куда надо засовывать конфигуративно подходящие детали...

– Как сексуально, – пробормотал Петрик и заглянул в проем, а потом и перелез через тумбу. – Тут какое-то подсобное помещение. Гараж, что ли? Пахнет машинным маслом, бензином, резиной, и что-то мне подсказывает, это не экстравагантный парфюм Comme des Garçons Olfactory Library шестой серии Synthetic Garage...

- А? – слабо отреагировала я на эту абракадабру.
- Иди сюда, моя бусинка! Тут есть следы преступления!
- Это следы какого-то транспорта, – возразила я, вслед за другом проникнув предположительно в гараж.

От стены, в которую еще недавно был аккуратно встроен большой аквариум, к распахнутым настежь металлическим воротам тянулись две прерывистые параллельные линии. Темные – влажные, но быстро исчезающие.

– Смотри скорее, пока они не высохли! – Петрик поддернул льняные брючки и присел на корточки. – По-моему, это следы колес.

- Или гусениц.
- Тут был танк?!

– По-твоему, гусеницы бывают только у танков? Еще у разной строительной техники. Но да, ты, кажется, прав, это следы колес. Небольших и широких...

¹ Читайте об этом в романе Елены Логуновой «Семь футов под килькой».

– Милый! – Пока я всматривалась в следы не то колес, не то гусениц, Петрик прилепил к уху мобильный и заворковал в него. – Спроси, пожалуйста, своего знакомого, хозяина нашего прелестного отеля, куда подевался чудесный аквариум с рыбками, стоявший в холле.

Слово «милый» и упоминание дружбы с отельером позволили мне понять, что Петрик позвонил Покровскому, однако голоса последнего я не слышала и вынуждена была догадываться о смысле разговора по репликам друга.

– Что? Нет, я не хочу рыбы. Ни жареной, ни какой-то еще. Я не голоден. И... Да зачем в океанариум? Меня интересуют исключительно те рыбы, которые плавали в холле, у нас были на них большие планы... Да какая рыбалка?! Короче, поговори с отельером, а потом перезвони мне. – Дружище оборвал связь, сунул мобильный в карман и картинно закатил глаза. – Мужчины! Как же с ними трудно разговаривать!

– За мной! – Я направилась к воротам. – Поищем тот транспорт.

– Зачем? Ты думаешь, это он увез аквариум? – Петрик догнал меня и зашагал рядом. – А почему ты так решила?

– Колеса у него были мокрые. А аквариум – с водой. Угадывается какая-то связь, не находишь?

Мы вышли во двор, где никогда ранее не бывали.

– Что это за место? – Петрик огляделся и не выразил восторга.

С трех сторон серую бетонную площадку огораживали глухие стены, с четвертой – рослые кусты полыни. В одном месте травяные заросли были проломлены, в проем открывался вид на мусорные баки.

– Хоздвор, наверное, – предположила я и направилась к бакам.

– Фу, куда ты, идем отсюда! – Нежный Петрик зажал нос.

От баков – и впрямь неприятно ароматных – через подворотню за территорию гостиничного комплекса тянулась асфальтированная дорога.

– Тот транспорт на мокрых колесах уехал туда. – Я указала на подворотню.

– Здесь нет никаких влажных следов, а в гараже они были! – заспорил Петрик.

– В гараже тень, а тут солнце шпарит, следы быстро высохли. – Я огляделась в поисках возможных свидетелей.

Спящего под стеной кота я забрала сразу, толстую тетку в халате, который с большой натяжкой можно было назвать белым, – после недолгого раздумья. Тетка с кем-то ругалась по мобильному, да так самозабвенно, что ничего вокруг не видела. Бродячая собака торопливо грызла угол ее пластиковой сумки-пакета, а тетка даже не замечала разбоя.

Я прошла в подворотню, выглянула из нее на глухую пыльную улочку. Увидела деда в ситцевых трусах и резиновых тапках – он сидел под чахлым деревцем на перевернутом ящике, разгадывал кроссворд в журнале и чадил сигаркой.

– Бог в помощь! – вынырнув из-за моей спины, сказал ему Петрик. – Извините, не подскажете, мимо вас тут машинка недавно не проезжала? Отсюда? – Дружище махнул на подворотню.

– Автопогрузчик?

Мы с Петриком переглянулись и закивали:

– Да, да!

Автопогрузчик вполне логично сочетался с аквариумом. Самая подходящая техника, чтобы аккуратно взять огромный стеклянный сосуд и куда-то переместить его.

– Вы его видели? Погрузчик? Он вез большой аквариум? – Петрик поступил неправильно, начав подсказывать свидетелю ответы.

– Какой аквариум? Коробку.

– Какую коробку?

– Здоровенную, картонную. – Дед без помощи рук, занятых журналом и карандашом, перебросил сигарку из одного угла рта в другой. – На ней было написано... Тьфу ты, а что там было написано? – Он скосил глаза, припоминая, и пугающе забормотал белиберду: – Снуррбрум... Сморгритт... Гумсбрандт?

– Это что, заклинание какое-то? – опасливо спросил Петрик.

– Нет, какое-то корявое слово из лексикона пьяных викингов, – услышав его, со смешком ответил эрудированный дед.

– А, название товара из ИКЕА? – догадалась я.

Петрик достал смартфон, погуглил и через минуту доложил:

– «Грумсмарк» – матрас с пружинным блоком, метр восемьдесят на два, ширина сорок смэ, продается в коробке.

– Картонку от матраса могли нахлобучить сверху на аквариум, габариты у него почти те же, – догадалась я. – Толково! Одно дело – аквариум с рыбками по улицам везти, и совсем другое – никому не интересную скучную коробку.

– В какую сторону уехал автопогрузчик? – спросила я деда.

– Не обратил внимания.

– Видно, и в самом деле он был скучный и неинтересный, – вздохнул Петрик.

Я приставила ладошку козырьком ко лбу, посмотрела сначала в один конец пыльной пустой дороги, потом в другой и подумала вслух:

– Интересно, какую скорость развивает автопогрузчик?

– Погуглить? – услужливо предложил Петрик.

– Не надо. Мы же не знаем направление его движения.

– Тогда определимся со своим! Направлением, я имею в виду. – Дружище все-таки достал смартфон и открыл гугл-карты. – Сейчас мы здесь. А хотелось бы оказаться во-он там...

– На берегу моря?

– Угу. Айда на пляж?

– Но мы же еще не нашли пропавших рыбок, – засомневалась я.

– Так мы и не Холмс с Ватсоном, чтобы моментально преступления раскрывать! Для начала уже кое-что узнали, остальное постепенно проясним потом. – Мягко воркуя, Петрик увлек меня в выбранном направлении.

Я не сопротивлялась. В конце концов, давно известно, что солнце, воздух и вода – наши лучшие друзья, а друзьям, тем более лучшим, необходимо уделять повышенное внимание.

Однако до моря мы с моим лучшим другом не дошли. На пыльной улочке, образованной рядами двухэтажных гаражей, переделанных под коттеджики, Петрик внезапно взвизгнул и завертелся на месте, бешено размахивая руками.

Я подумала, что на него напала оса, привлеченная сладким ароматом фруктово-ягодного парфюма, и поспешила зафиксировать визжащего дарлинга:

– Стой, не двигайся! Она сама улетит.

Но Петрик не послушался и энергично стряхнул на землю упавший на него сверху тлеющий окурок.

Раздавив его тапком, как змею, дружище поднял голову и kloкочущим от злости голосом поинтересовался:

– И какой же это...

Ругательное слово он произнести не успел, потому что сверху донесся радостный мужской голос:

– О! Какие люди!

Продолжения не последовало. Обескураженный Петрик вопросительно посмотрел на меня.

– Мне это напоминает старый анекдот, – доверительно поделилась я. – Падают с крыши два кирпича, один спрашивает: «И куда летим?» – «Да без разницы, – отвечает второй. – Был бы человек хороший!»

Железная лестница, ведущая на балкон второго этажа, затряслась, со стены пудрой посыпалась известковая пыль.

– Не наш случай, – буркнул Петрик, увидев человека, торопливо спустившегося к нам.

Хорошим и я бы его не назвала. Вот добрым – да. Но исключительно в том смысле, который вкладывают в это слово деликатные люди, не желающие прямо говорить «толстый».

Вадим Бабаев по прозвищу Бабай, наш с Петриком бывший коллега по работе в безвременно почившей городской газете, за те два года, что мы не виделись, раздобрел до размеров молодого бегемота. Сходство усиливала коричневая от загара и лоснящаяся от пота кожа, явленная нашим взорам в избыточном количестве: одет Бабай был минималистично – в одни короткие пляжные шорты расцветки «Пожар в джунглях».

– Карамзин! – ускоренно спустившись с лестницы, которая продолжила растревоженно вибрировать, и выбивая пыль из стены, вскричал Бабай с преувеличенной радостью. – И с ним Суворова! Хо, на ловца и зверь бежит!

Он пошел на нас с широко раскинутыми руками, но Петрик попятился и потянул за собой меня. Влипать в объятия голого потного ловца ни ему, ни мне не хотелось. Тем более что и ловец был не из тех, кем мы могли бы плениться.

Когда мы трудились в газете, Вадим Бабаев был заместителем главного редактора по коммерческой части и до рядовых тружеников вроде нас с Петриком не снисходил. Потом, когда наш медиахолдинг приказал долго жить и собственник отправился горевать по этому поводу на ПМЖ в Испанию, а сотрудники разбежались кто куда в поисках новой работы, ушлый Бабаев пристроился в пресс-службе администрации края.

– Вадик, а ты разве не чиновник? – Петрик выразительно оглядел скудный наряд Бабая, прозрачно намекая на несоответствие экипировки статусу.

– Я в отпуске, – отмахнулся Бабаев. – Однако при исполнении!

Он сделал таинственное лицо и поманил нас толстым пальцем, отступая под лестницу.

Заинтригованные, мы с Петриком подошли ближе.

– Тугрики нужны? – понизив голос, спросил экс-коллега тоном советского спекулянта времен тотального дефицита.

Предположить, что спятивший от жары Бабай предлагает нам купить из-под полы национальную валюту Монголии, мне помешало отсутствие у него этой самой полы.

– Ну, деньги? – пояснил он свой вопрос, досадливо цыкнув.

– Кому же они не нужны, – ответила я уклончиво.

– Тогда ликуйте, я беру вас. Мне писарчук во как нужен! – Бабай провел толстым пальцем по горлу, умудрившись попасть точно между складками подбородков. – Позарез!

– Писарчук? – повторил Петрик, продолжая удерживать гримасу слегка брезгливого недоумения.

– Ну, копирайтер! – Бабай шумно выдохнул и помотал головой, тряся брылями, как бульдог. – От местных никакого толку, что ни напишут – лубок, берестяная грамотка, стиль посконный, слог сермяжный. А ты ж, Суворова, помню, мастер слова!

– Ты мне работу предлагаешь? – дошло до меня. – Но я...

– Подработку! – Бабай воздел перст-сардельку. – Всего на месяц, до выборов. Вы, кстати, за кого голосовать собираетесь?

– На выборах? – Я и забыла, что в середине сентября электорату опять предстоит кого-то там выбирать. – Знаешь, Вадик, мы от этого так далеки...

– И зря, вон декабристы – страшно далеки были от народа, и что с ними случилось? – Бабай хохотнул и снова попытался приобнять нас с дарлингом, а мы опять уклонились. Тогда он

потыкал пальцем в небо, то есть в лестницу над нашей головой. – Поднимемся, у нас там штаб, посмотрите на месте.

– Прости, Вадик, но мы убежденные сторонники удаленной работы, – сказал за нас обоих Петрик.

– Тем более сейчас, когда коронавирус не дремлет, – добавила я и пошире раскрыла глаза, показывая, как именно бодрствует опасная зараза. – И вообще, мы тут всего на десять дней, потом вернемся в город...

– И пожалуйста, и ради бога, мы прекрасно поработаем дистанционно, – не стусевался Бабай. – Значит, так: у вас телефоны те же? Отлично, будем на связи. Ты, Люся, мне нужна, чтобы тексты писать, а ты, Петро, будешь консультантом по имиджу. Наш кандидат, скажем прямо, в вопросах стиля – дуб дубом. Чему удивляться – бывший силовик, а народ-то нынче придирчивый, в инстаграм в чем попало не выйдешь...

– Вадим Андреевич! – позвал сверху женский голос. – Вам Сам звонит!

– Короче, мы договорились, вы в команде, связь через меня! – Бабай хлопнул по плечу не успевшего увернуться Петрика и заспешил вверх по забившейся в конвульсиях лестнице.

На полпути он крикнул, перегнувшись через перила:

– Тугриками не обижу!

– Даже не знаю, что сказать, – пробормотал Петрик, отряхиваясь от пыли, которой нас осыпала трепетная лестница. – Тугрики – это, конечно, всегда хорошо, но Бабай такой скользкий...

– Во всех смыслах, – согласилась я. – Но предвыборную шабашку мы у него все-таки возьмем.

– Конечно, моя бусинка! Наличие у нас богатых кавалеров не отменяет необходимости зарабатывать самостоятельно, мы же не содержанки какие-нибудь, – горделиво молвил Петрик и приосанился. – Но пока давай отчитаемся перед нашим основным работодателем.

– Основной не отвечает. – У меня не получилось дозвониться Дорониной.

– Тогда с чистой совестью – на пляж!

Суббота. Не было заботы...

Новый работодатель Бабай накидал нам заданий тем же вечером. Часть из них была срочной, так что ночью мне пришлось потрудиться, очень огорчив этим Караваева, и утром я вышла к завтраку самой последней.

В просторной кухне-столовой наших королевских апартаментов уже дожидались Караваев, Эмма и Петрик. Покровский, кормилец наш, хлопотал у плиты.

Обиженный на меня Караваев с неприступным видом читал какую-то толстую книжку. Эмма в наушниках слушал музыку с айпода, закрыв глаза и раскачиваясь на стуле, как кобра перед броском. Петрик стоял у окна, смотрел на море и недовольно хмурился.

Я тоже глянула – с морем все было в порядке, уж оно-то явных поводов для недовольства не давало: гладенькое, голубенькое, в легкой дымке. Не хватало только белого паруса яхты...

– Котики мои, вы спятили? Белые брючки со стрелками, хлопковая футболка в горизонтальную полоску, голубой джемпер внакидку на плечах, синие лоферы – вы куда его собираете, на встречу с избирателями в портовом районе или в Монако на яхте кататься? – будто услышав, о чем я думаю, проговорил Петрик.

Я посмотрела на него с интересом. Ну-ка, ну-ка, что там про Монако?

– Если в Монако, то все окей, а если к электорату-пролетариату, то переоденьте дяденьку, пока его камнями не забросали. – Петрик, закатывая глаза и жестикулируя свободной рукой, распекал кого-то по телефону. – Нет, убрать из ансамбля джемпер – это не решение. Полосатая футболка – гламурная версия тельняшки, это будет выглядеть как пошлое заигрывание и заведомо провальная попытка сойти в порту за своего...

Он замолчал, досадливо слушая собеседника, и вздохнул:

– А я скажу вам, что делать! Во-первых, брюки с него снимите...

– О? – поднял брови Покровский, заинтересованно повернувшись к нам от плиты.

Петрик стрельнул в него сердитым взглядом, прикрылся плечиком и продолжил в трубку:

– Да не в трусах, боже мой, и уже тем более не в плавках, конечно же! Обычные джинсы, лучше всего голубые, но не вываренные, без потертостей, прорех и заплат, не зауженные, не мешковатые – классика. И белая хлопковая рубашка навыпуск, слегка оверсайз... От какого костюма?! Под костюм надевают сорочку, это совершенно другое! Рубашка, я сказал! Две верхние пуговицы расстегнуть, рукава подкатить. На ноги белые кроссовки нонеим, чтоб дорогими брендами бедному электорату глаза не мозолить. И никаких часов! Из аксессуаров – только обручальное кольцо. Пришлете фото, я посмотрю. – Петрик отлепил мобильник от уха, тукнул лаковым ноготком по сенсорному экрану, отключая связь, и пожаловался мне: – Темные люди! Хотят, чтобы стильно, демократично – и вашим, и нашим, а у самих никакого представления о золотой середине.

– А мне велели новые слова для старой песни сочинить, – поделилась я. – Помнишь – «Шаланды, полные кефали, в Одессу Костя привозил...».

– Логично. – Петрик развеселился. – Кандидата зовут Константин Николаевич, встречается он с избирателями в порту – тут соответствующее музыкальное сопровождение нужно! И что за текст ты написала?

Я откашлялась и напела:

Шаланды все уже разбиты,
Кефаль давно деликатес,
Народа чаянья забыты,
Лишь у буржуев есть прогресс.

- Жизненно, – одобрил, захлопнув книжку, Караваев. – А дальше как?
- Дальше я еще не придумала, но в финале будет так:

Законы, нужные народу,
Предложит в Думе Константин.

– Тогда надо ему, пожалуй, еще крест на шею надеть, – подумал вслух Петрик. – Для полноты образа народного заступника! Только не золотой, а серебряный, можно с чернением, и не на цепи, а на шнурке-гайтане. – Он снова прилепил к уху телефон, спеша проинструктировать своих «котиков».

– Вот, видишь? – отложив книжку, чтобы взять нож и вилку, обратился Караваев к Покровскому. Тот как раз поставил на стол большую чугунную сковороду с глазуньей, красиво притрушенной сухими прованскими травами. – Мы присутствуем при том, как творится история!

– Не преувеличивай, это не выборы президента, – миролюбиво ответил Артур и, мягко забрав у договорившего Петрика мобильный, отеческим шлепком по попе направил его к столу. – Давайте завтракать. Кто хочет, к яичнице есть вяленые помидоры и буженина, они в холодильнике.

– А буженины в холодильнике нет, – сообщил Эмма, уже убравший в карман наушники. В его голосе звучало отчетливое сожаление.

– А где же она? – спросил наивный Покровский.

Я, Петрик и Караваев – умудренные опытом! – дружно фыркнули, прекрасно зная ответ.

– Здесь. – Эмма погладил себя по животу. – Мне ночью очень есть захотелось...

– Тогда могу колбаску порезать, – предложил Покровский и, встав, потянулся к холодильнику.

– Сиди, – дернул его за фартук Петрик.

– Колбаски в холодильнике тоже нет, – уверенно напроорочила я.

– Хочешь знать, где она? – посмотрел на Артура Караваев.

А Эмма ничего не сказал, только снова погладил себя по животу и сделал грустную мордочку.

– Может быть, ты огласишь весь список того, чего уже нет в холодильнике? – присев, спросил Покровский. – Чтобы я знал, какие запасы необходимо пополнить.

– Пополняй все, – не дав ответить слегка смущенному братцу, посоветовала я. – Считаю, что тут на постое не пять мирных граждан, а целая рота солдат.

– Вот, кстати! – оживился Караваев. – Помнится, у роты были захватнические планы – все хотели на морскую прогулку. Не пора ли?

– В принципе можно, мне только нужно отутюжить белые брючки, полосатую футболку и голубой джемпер, – ответил ему Петрик и вопросительно посмотрел на меня.

– Даже не знаю, – задумалась я.

– Белое платье, – подсказал Петрик, решив, что я озадачена выбором наряда для морской прогулки. – То, силуэта трапеция, из прошвы.

– Оно слишком короткое, – быстро сказал неисправимый ревнивец Караваев.

Я посмотрела на него с неудовольствием, а Петрик – с умилением:

– Мишель, ты уже знаешь, что такое «прошва»?

– Хэбэшная ткань в мелких дырочках. Поживешь с вами, научишься разбираться в тряпках!

«Поживешь с вами – научишься есть всякую гадость», – вспомнилось мне бессмертное из мультфильма про Карлсона.

Гм, а вот этот мощный культурный пласт – мультики – я при написании текстов для Доры еще не разрабатывала. В речь про секс органично ляжет «красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил»...

Я по ассоциации посмотрела на Покровского, а он как раз вытащил из кармана фартука смартфон и читал сообщение.

– Кто это там у тебя, Артурчик? – с подозрением прищурился Петрик.

– Это Левушка, – ответил тот, не отрывая взгляда от экрана.

– Не знаю такого, – поделился Эмма.

– И слава богу, – ответил Караваев, явно решив, что Левушка – одного поля голубая ягодка с Артуром и Петриком.

– И кто у нас Левушка? – с еще большим подозрением спросил Петрик, видимо, подумавший так же.

Покровский поднял голову, оценил устремленный на него убийственный взгляд нашего дарлинга и поспешил успокоить его:

– Лев Аркадьевич Салуцкий – хозяин нашего отеля. Я вчера написал ему, чтобы узнать, куда пропали рыбы, ты же сам попросил меня, милый.

– О! – Петрик расслабился. – И куда же они пропали?

– Он не знает, но будет выяснять.

– Чего там выяснять? Наверняка всех рыб съели, – предположил Эмма, накладывая себе яичницы.

– Я не уверен, что это были съедобные рыбы, – возразил Покровский.

– Бывают несъедобные рыбы? – Мой брат искренне удивился.

– Ну, декоративных рыбок обычно держат не для того, чтобы ими питаться, – просветил его Караваев.

– Вообще-то те рыбы были непохожи на декоративных. – Я из солидарности поддержала младшего брата. – Мелкие, серенькие – типичная тюлька.

– Тем не менее это именно аквариумные рыбки, – сказал Покровский. – Я забыл их название, но Левушка сказал, что они сейчас очень популярны в Японии. Дело в том, что эти рыбки поразительно неприхотливы, могут жить даже в цинковом ведре и питаться черствым хлебом. Левушка потому их и взял, что возни с ними минимум, а глаз радуется. Так сказать, дешево и сердито.

Мы с Петриком переглянулись.

– Как ты думаешь, если вместо японской тюльки родную черноморскую барабулю в аквариум запустить, Доронина этим удовлетворится? – шепотом спросила я друга. – Барабули сейчас у рыбаков должно быть много, как раз сезон ее...

– Все, решено, мы срочно отправляемся на морскую прогулку! – не ответив мне, громко возвестил Петрик и показательно приналег на яичницу.

Я поняла, что он хочет оценить запасы барабули непосредственно в местах ее обитания, и тоже энергично застучала вилкой по тарелке.

Катер для нашей морской прогулки оперативно нашел Артем.

– Не лучший, но номер два в поселковой табели о рангах, – объявил Караваев, который вместе с водителем смотался в поселок, чтобы одобрить предложенное нам плавсредство и оплатить его аренду.

– Почему номер два? – закапризничал Петрик, вертясь перед зеркалом в попытке элегантно и непринужденно завязать на шее рукава голубого джемпера.

У него никак не получался идеальный узел, и дарлинга это бесило.

– Потому что номер один – это «Стелла» Димона Садовченко, а он свою «звездочку» сдал приезжему толстосуму на целый месяц, – объяснил Артем, как раз заглянувший в холл,

чтобы принять из рук Покровского большую корзину для пикника. – Причем он только катер сдал, без себя в качестве рулевого, отчего теперь очень волнуется. Боится, что толстосум свои права судоводителя просто купил и без помощи и пригляда опытного мореплавателя утопит к Ихтиандру Димонов катер.

– Плавсредство номер один – не яхта, а всего лишь катер? – уточнил Петрик.

– Дарлинг, тут все-таки не Монако, а скромный приморский поселок на задворках российской империи, – ответила я, намекая, что надо быть скромнее.

И так нас поселили в самых роскошных апартаментах в радиусе двадцати километров... Стоп, у меня тоже возник вопрос:

– Артемчик, а где же поселился толстосум, перехвативший у нас лучшую яхту?

– Он дом снял в «Серебряной щели», это такое уединенное место за ближайшим мысом, – объяснил наш знаток местных реалий. – Хороший домик, со своим эллингом и Мариной.

– То есть жилье у нас тоже второсортное, – пробурчал Петрик.

Пришлось незаметно наступить ему на ногу, чтоб уж если ныл, то по делу.

На двух машинах наша теплая компания из шести человек – я, Петрик, Покровский, Караваев, Эмма и Артем – подъехала к причалу и погрузилась на катер с незатейливым названием «Медуза».

– Я Роберт, – представился дожидавшийся нас на борту его владелец – загорелый до черноты лысый дядька в белой капитанской фуражке. Не настоящей, а сувенирной, такие на рынке у пляжа в каждой второй палатке продаются. – А это моя ласточка. Водоизмещение две тонны, движок – двести лошадей, скорость – до тридцати узлов, пассажироместимость – восемь человек. Добро пожаловать, устраивайтесь поудобнее, корзину можно вот сюда, а для бутылочек есть специальный ящик под сиденьем, он с охлаждением.

Дождавшись, пока все пассажиры разместятся, Роберт ритуально покричал:

– Отдать концы! – И катер рванул от причала, как застоявшаяся лошадь.

– Тьфу на него, – опасливо молвил Петрик, придерживая кудри на голове солнечными очками, а очки – рукой. – Кто тут должен отдать концы, я не понял?

– Не придуривайся, все ты понимаешь, это такая дежурная фраза, – окоротила его я.

– Не нравятся мне такие фразы, как бы не накаркал Роберто, – заупрямился дружище, переименовав имя нашего капитана на итальянский манер.

Роберт его, к счастью, не слышал. Он управлял плавсредством, ведя его вдоль береговой линии на расстоянии пары километров, и увлеченно рассказывал в микрофон о местных достопримечательностях. Некоторое время мы его внимательно слушали, потом Покровский открыл корзину, раздал всем бутылочки-миньоны с шампанским и предложил сначала выпить за прекрасный день, а потом закусить за него же.

Петрик потребовал организовать фотосессию и начал позировать, я спросила, входит ли в программу купание в открытом море, Эмма поинтересовалась возможностью встречи с дельфинами, Караваев – перспективами рыбалки. Роберт и Артем отвечали разом, Покровский все выгружал и выгружал напитки и закуски из бездонной корзины, на борту стало шумно и весело. В тесноте, как говорится, да не в обиде.

Мы завернули за очередной мыс, и вдруг Артур воскликнул:

– А вот и номер один! Смотрите, «Стелла» тоже тут!

Все бросились рассматривать пресловутую «Стеллу», Петрик даже достал припасенный специально для прогулки театральные бинокль.

– Это уже не катер, а целая яхта, – объявил он тоном обиженного ребенка. – У них там и каюта есть! На палубе столик, а на столике завтрак!

– У нас, конечно, нет столика, но голодным никто не останется, – попытался успокоить капризулю Покровский. – Хочешь бутербродик с сырным кремом и лососем?

– А они небось дрыхнут еще, – не унимался Петрик.

Послушать его – можно подумать, он встал до рассвета! Я хмыкнула.

– Если еще дрыхнут, почему посуда на столе? С вечера не убрали? – возразил Эмма, по молодости лет востроглазый без всякого бинокля.

Я снова хмыкнула. Как говорила моя любимая ба Зина, «кто про что, а вшивый про баню»: у нас мытье посуды – священный долг младшего брата.

– Каюта – она не только для того, чтобы спать, – вкрадчиво молвил Караваяев, и его рука удавчиком скользнула по моей талии, обнимая и стискивая.

Действительно, кто про что... Я хмыкнула в третий раз.

Мой троекратный саркастический хмык никем замечен не был. Роберт, наш капитан, басовитым, как пароходный гудок, голосом перекрыл общий гвалт:

– Да погрузились они, вот и не видно никого!

Звучало важно, но непонятно. Все тут же начали расспрашивать: куда погрузились, зачем и как.

– Ну – как? С аквалангами, конечно. Они же дайверы – толстосум и жена его, – объяснил Артем.

– Да ладно? – не поверил Петрик. – Дайверы – это загорелые мускулистые парни в эротичных обтягивающих гидрокостюмах! И толстосум такой?! Роберто, подплывите поближе, я хочу это видеть!

– Плавают отходы жизнедеятельности, суда – ходят! – наставительно прогудел наш капитан, но просьбу экзальтированного пассажира выполнил и подвел наш катер поближе к чужой яхте.

– Давайте объедем ее вокруг, – не увидев никого, нетерпеливо попросил Петрик.

– Ездят телеги, а катер ходит, – повторил Роберт, и мы обошли «Стеллу» по кругу – раз, другой и третий.

На первом витке просто глазели, на втором разноголосо кричали: «Эй, на яхте! Есть кто живой?» и «Кто ты, выдь да покажись, с нами честно подружись!», на третьем Роберт по собственной инициативе погудел не то клаксоном, не то сиреной.

– Ну, говорю же, в воде они, – резюмировал Артем, когда мы не дождались никакого отклика.

– Тогда и мы в воду! – за всех решил Петрик и тут же начал распускать узел джемпера на шее, стягивать футболку и белые брючки, под которыми обнаружили незабываемые серебряные плавки.

– Ура, мы будем купаться в открытом море! – обрадовалась я и тоже схватилась за пуговки платья.

Караваяев услужливо помог мне раздеться, и, хотя Роберт сказал, что открытое море – не вот это все, а водное пространство за пределами государственных границ, мы от него отмахнулись и дружно перешли к купальным процедурам.

Бултыхались минут двадцать, но появления из пены морской толстосума в обтягивающем гидрокостюме так и не дождались, поэтому решили продолжить прогулку и заглянуть в эту бухточку еще раз на обратном пути.

Мы вернулись в ту же точку часа через два, когда все выпили и съели, надышались морским воздухом и местами обгорели.

А «Стелла» все так же стояла за мысом, только повернулась к нам другим бортом.

– Это потому что ветер поменялся, был западный – стал южный, – сумничал Караваяев.

Роберт тут же важно сообщил, что южным такой ветер называют «сапоги», у моряков это зюйд. Артем вполголоса объяснил, что «сапоги» – это презрительное прозвище, которое моряки, носящие по форме ботинки, дают личному составу сухопутных войск.

– Сапоги, ботинки, лоферы или мюли, но очень подозрительно, что на палубе по-прежнему никого нет, а чашки на столике так и стоят, – на редкость здраво высказался Петрик,

рассматривая «Стеллу» в свой бинокль. – Друзья мои, печальные пророчества – не мой конек, но что-то мне подсказывает, тут дело нечисто!

– Они исчезли! – округлил глаза Эмма. – Как в Бермудском треугольнике! Там тоже, я читал, такое бывает: люди вдруг разом пропадают, а корабль дальше плывет, как ни в чем не бывало: двигатель работает, на кухне обед пригорает... Кстати, а когда мы будем обедать?

– Позже, – коротко ответил ему Карavaев, посмотрев на «Стеллу» в отнятый у Петрика театральный бинокль. – Роберт, подойдем поближе.

Лысый капитан почти притиснул катер к яхте, Артем перебрался с нашей палубы на чужую, скрылся внизу, но тут же снова появился:

– Людей нет, аквалангов тоже! В каюте полно пустых бутылок из-под водки и виски!

Роберт выругался и потянулся к рации.

– Бермудский треугольник, точно! – зашептал мне на ухо братец. – Люся, а давай мы отсюда отплывем?

– Плавает это самое, катер ходит, – машинально поправила я и вопросительно посмотрела на Карavaева.

Тот уже был не игрив и не весел. Он играл желваками на щеках и цепко оглядывал воду в бухте.

– Божечки мои, а мы ведь тут купались! – ахнул мне в другое ухо Петрик. – В этой зловещей бухте, в воде, скрывающей что-то страшное!

– Мальчики, мальчики, не нагнетайте! – Я тоже заволновалась.

Наша дружная компания отчетливо разделилась на фракции. Я, Петрик и Эмма тихо уселись на лавочку и жались друг к другу, завернувшись в пледы, – ждали, пока ситуация как-то прояснится. Карavaев, Покровский и Артем с Робертом с кем-то связывались по рации, звонили и не обращали на нас никакого внимания.

Минут через десять из-за мыса вылетел глиссер спасателей, Карavaев перебрался с прибывшими парой слов и перебрался к ним. Потом подошли еще какие-то катера. С одного из них в воду ловкими кувырками опрокинулись водолазы.

Вскоре один из них вынырнул, жестами что-то показал: мы не поняли, а спасатели засуетились и отплыли – ой, отошли! – на своем катере дальше в море.

– Пристройся к ним в хвост! – привстав на лавочке, чтобы лучше видеть, велела я Роберту.

– Хвост у селедки, а это кильватер, – пробурчал капитан, но повел наш катер вслед за спасательским – видно, ему и самому было любопытно.

Снова бухнулся в набежавшую волну водолаз и через минуту вернулся с товарищем, подтаскивая к борту что-то большое, темное, растопырчатое.

– А это... – начал было Петрик и ахнул, зажав себе рот.

Я не сдержалась – испуганно взвизгнула, и совершенно напрасно. Карavaев услышал, оглянулся – сердитый! – и яростной отмашкой велел Роберту убраться куда подальше. Тот понял его жестикуляцию без слов и выполнил приказ без возражений.

Наше плавсредство резко повернуло в сторону, ложась на обратный курс к поселку, но я успела выхватить у Петрика бинокль и навести его на то большое и растопырчатое, что спасатели как раз поднимали на свой катер, – мертвого человека в гидрокостюме.

И увидеть лицо.

И даже узнать его!

– Ужас, ужас, ужас! – бормотал Петрик, пока наша «Медуза» пришвартовывалась у причала.

Роберт, тоже взволнованный, делал это не очень аккуратно, стучаясь бортом о прибитые к причалу автомобильные покрышки.

Эмма зябко кутался в плед: то ли продрог, то ли тоже избыточно впечатлился.

Покровский помалкивал, волок корзину и не забывал поддерживать под локоток неустойчивого от волнения Петрика.

Водитель Артем помог мне выбраться на причал, сказал:

– Вы подождите у машины пять минут, я сейчас быстро. – И куда-то резво умчался.

Мы – поредевшей компанией из четырех человек – пошли к парковке, пробираясь сквозь собравшуюся у причала небольшую толпу. Она была нетипичной для пляжа, поскольку состояла больше из местных, чем из отдыхающих.

Аборигенов от приезжих вообще легко отличить. Во-первых, у них загар фасона «пионерский»: у видимых частей организма цвет ровный, коричневый, а под футболками-шортами кожа белая. Во-вторых, они одеты без претензий и не навьючены, как ослики, яркими торбами, надувными кругами, ковриками и пакетами со снедью. В-третьих, у них лица не расслабленные и взгляды не расфокусированные, потому что они-то на пляже не отдыхают, а так или иначе работают. Кто организует морские прогулки и катания на «бананах» и гидроциклах, кто на экскурсии к местным достопримечательностям зазывает, кто ходит туда-обратно по пляжу с ведрами и криками: «Рыба! Раки! Молодая горячая кукуруза!»

Но сейчас аборигены стояли, игнорируя свою целевую аудиторию: с суровым прищуром глядели на море и негромко переговаривались. Только один длинноволосый парень в цветастых шароварах и нелепой короткой майке, открывающей пирсинг в пупке, вещал в полный голос:

– А я говорил! А я предупреждал!

– А ты бы заткнулся! – Один из хмурых мужиков пихнул его локтем в голый бок.

Мы прошли сквозь эту небольшую толпу, и уже на набережной я оглянулась, запоминая длинноволосого парня, который теперь тоже помалкивал.

– Ах, бусинка моя! – Оказавшись на стоянке, Петрик одной рукой обессиленно оперся о бампер машины, а другой картинно схватился за голову. – Какой кошмар! И ведь ничто не предвещало! Как говорится, не было заботы... Хорошо, что мы с тобой никогда не думали заняться подводным плаванием! Артурчик, у нас не осталось водички?

Покровский подал ему минералку, и Петрик забулькал ею с самым страдальческим видом. Утолив жажду, он наконец заметил, что я не обращаю внимания на его душевные муки, и запоздало заинтересовался этим обстоятельством:

– Бусинка, что-то ты необычно чужда сострадания?

– Угу, – буркнула я и хрустко укусила ноготь.

– Так, Люся, в чем дело? – Дружище смекнул, что за своими показными страданиями упустил важное, тут же перестал прикидываться жертвой тяжких обстоятельств и заговорил нормально, даже напористо: – Я же вижу, ты чем-то крепко загружена!

– Угу.

– Не беси меня, бусинка! – Петрик сбросил плед, которым его укутал заботливый Покровский, как норовистый конь – попону. – Рассказывай!

– Рассказываю. – Я наконец оторвала взгляд от мыса, из-за которого все никак не появлялся катер спасателей, и посмотрела на друга: – Я разглядела его.

– Его – это толстосума? – оживился Петрик.

– Того утопленника? – брякнул Эмма (деликатности – ноль!) и придвинулся к нам поближе.

– Да, утопленника, – поморщившись, согласилась я. – Толстосума в гидрокостюме. Знаете, кто это?

– Даже мне интересно, – признался Покровский, а Эмма с Петриком засопели и заблестели глазами.

– Афанасьев! – выдержав театральную паузу, ответила я.

– Какой Афанасьев? Виктор? – Покровский поднял брови. – Не может быть, он ни разу не аквалангист, ты ошиблась!

Я энергично кивнула – мол, да, тот самый Афанасьев, и тут же помотала головой – мол, нет, не ошиблась, это точно он.

– Наш Афанасьев? У которого весной жена в пруд упала? – спросил Петрик, снова ахнул и закрыл рот руками. – О ужас! Какая трагедия! Все утонули!

– Тот самый Афанасьев? – Эмма не стал ужасаться и громко фыркнул, проявляя обидное недоверие к моим показаниям. – Не может быть, он же вдовец, а про толстосума говорили, что он тут с женой!

Я на секунду задумалась: это было на редкость толковое замечание. Но Петрик вздохнул и покровительственно потрепал моего братца по плечу:

– Эх, молодость! Что ты знаешь о жизни? Жениться заново – дело недолгое, особенно такому состоятельному мужчине, как наш Афанасьев!

– Каким *был* наш Афанасьев. – Я выделила голосом глагол прошедшего времени, и все замолчали, задумались, закручинились.

Надо сказать, что с владельцем преуспевающей кондитерской фабрики Виктором Афанасьевым наша милая компания познакомилась не так давно и при откровенно печальных обстоятельствах. Жена Афанасьева Ольга утонула в пруду городского парка сразу после того, как посетила очередное заседание клуба «Дорис». Доронина, понятное дело, переполошилась – испугалась, что это происшествие погубит репутацию ее клуба, поскольку выглядело все так, будто сразу после тренинга по обретению счастья клиентка побежала топиться. Но мы с Петриком, Эммой и Караваевым выяснили, что она погибла совершенно случайно, чем реабилитировали и наш клуб, и супруга утопленницы, попавшего под подозрение в убийстве ². Это не сделало нас с Афанасьевым друзьями, и все же мы не могли остаться равнодушными к его дальнейшей судьбе. Как говорится, мы в ответе за тех, кого приручили. . .

– Ах, вот вы где! – нарушил минуту молчания знакомый строгий голос. – Снова шляется без дела, мои рыбоньки?!

Я оглянулась и увидела незаметно подошедшую к нам Доронину. Та уже воздвиглась рядом в своей любимой позе амфоры: голова гордо задрана, руки на бедрах.

– Мы были на морской прогулке, – зачем-то доложил грозной начальнице струхнувший Эмма.

Дора, конечно, разозлилась пуще прежнего:

– Без меня?!

– Ах, дарлинг, радуйся, что тебя с нами не было! – опять картинно застрадал Петрик. – Мы видели такое! Страх, ужас, кошмар!

Он демонстративно пошатнулся, и Покровский так же демонстративно его поддержал.

– Что, кто-то выпустил Кракена? – съязвила Дора, переводя взгляд с одного лица на другое.

Остановилась на моем – лышу себя мыслью, что наиболее нормальном.

– Сомневаюсь, что дело в Кракене, хотя и этот вариант не исключается. – Я чуток подыграла суровой Дорониной, а потом, когда она слегка расслабилась, взорвала свою информационную бомбу: – Мы нашли утопленника!

– Что?! – Доронина выпучила глаза, онемела и задышала, как выброшенная на берег рыба.

– Строго говоря, его нашли не совсем мы, – испугавшись ее реакции, поторопился поправить меня Петрик. – Это спасатели, но мы при этом присутствовали. . .

² Читайте об этом в романе Елены Логуновой «Семь футов под килькой».

– Что вы нашли?! Утопленника?! А я вам что искать велела?! – К Дорониной вернулись дар человеческой речи и своеобразная душевная черствость. – Пропавший аквариум с рыбками! Вечно у вас все наперекосяк, сплошная анархия, не сотрудники, а казаки-разбойники какие-то!

Мы с Петриком переглянулись.

– Ты не дослушала. – Я остановила поток несправедливых обвинений. – Замолчи на минутку, а? Еще самого главного не слышала: тот утопленник – знаешь кто?

– Дед Пихто, – язвительно предположила Доронина. – Или нет – дед Мазай! Он бедных зайцев из воды вылавливал, а сам утонул!

– Виктор Афанасьев, – сказала я, пропустив зайцев-мазайцев мимо ушей.

– Что – Виктор Афанасьев?

– А всё Виктор Афанасьев, кончился! – брякнул беспощадный Эмма.

– Это он утонул, – объяснила я.

– Врешь!

– Не вру! – Это я.

– Не врет! – Это Петрик.

– Но, может быть, все-таки ошибается. – Это дипломатичный Покровский. – О! Вот я сейчас Виктору позвоню...

Он торопливо достал из кармана мобильный, нашел в списке контактов нужный номер и отправил на него вызов.

– Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети, – равнодушно сообщила виртуальная телефонная девушка.

– На том свете! – резюмировал мой бестактный братец. – Что и требовалось доказать...

– А вот и я! – прибежал Артем, увидел Доронину и раскланялся: – Добрый день, Дора Михална, хотя – какой он добрый... Так, садимся в машину, сейчас я вас в гостиницу...

– Мы все не поместимся, – перебила его я и быстро, пока мне никто не возразил, отошла в сторонку. – Вы поезжайте, а я вторым рейсом, вернешься за мной потом, Артемчик, хорошо?

– Но Михаландреич велел...

Я развеяла нависшую над нами грозную тень Караваяева прощальным взмахом руки:

– Пока, пока! Жду здесь!

Но ждатель, разумеется, не стала. Едва автомобиль с моими друзьями-товарищами скрылся за углом, я вернулась на набережную, спустилась на пляж и решительно затесалась в группу суровых аборигенов.

Потолкалась там немного, чуток примелькалась и спросила, искательно оглядываясь:

– Ребята, а где этот, как его? Длинноволосый, с пирсингом в пупке?

– Жорка-то? У себя в балагане. – Мужик со связкой активно благоухающей вяленой рыбы махнул в конец пляжа.

Я пошла в указанном направлении, миновала вытасченные на берег катамараны, сапы, надувные «бананы», целую крепостную стену из сложенных стопками спасательных жилетов и вскоре нашла тот балаган – необычный гибрид укрепленной огневой точки и вигвама под вывеской «Центр дайвинга „Ямайка“».

Основу конструкции составлял приземистый бетонный куб, щедро размалеванный цветными картинками и надписями. В декоре преобладал растительный орнамент – в основном очень реалистично прорисованные листья каннабиса, обрамляющие медальоны с портретами разных харизматичных личностей. Я опознала Боба Марли, под изображением которого вилась цитата: «Душу разрушает суэта», Джона Леннона («Дайте Миру шанс»), Махатму Ганди («Где любовь – там и жизнь») и Мохаммеда Али («Невозможное возможно»). Сначала я слегка озадачилась, потом пожала плечами: нарисованная компания выглядела не более странной, чем архитектура строения.

С одного бока к расписному бетонному кубу примыкал небольшой бассейн с мутной коричневатой водой, к другому прилепился кособокий шатер. Под свободно парусящими на ветру полотнищами помещалась небрежно выложенная диким камнем площадка с разбросанными на ней креслами-мешками термоядерной расцветки: огненно-красными, ярко-желтыми и кислотно-зелеными. На желтом, как на стожке сена, в расслабленной позе помещался искомый Жора.

Я прямо залюбовалась! Длинноволосый возлежал, свесив перевитые бусами космы до земли, – ну, чисто Джек Воробей на пиратском привале!

Перед ним на круглом журнальном столике с высоко подпиленными ножками и облупившейся полировкой красовался оригинальный натюрморт из надкусанной булки с маком, кальяна и половинки арбуза с заливчатски торчащим из нее большим ножом.

Томными воловьими очами Жора взирал на Че Гевару, ответно глядящего на него с нарисованного на стене портрета («Будьте реалистами – требуйте невозможного»), и, кажется, что-то рассказывал пламенному революционеру. Во всяком случае, у меня возникло ощущение, что я помешала их дружескому общению.

Поэтому я очень вежливо сказала:

– Пардоньте, камарады, всем пис, лав и приятного аппетита, дозвоьте побеспокоить?

– Обучение дайвингу, организация погружений, дайвинг-туры, снаряжение для дайвинга, дайвинг-софт, – забормотал Жора, продолжая глядеть на разрисованную стену, и я не сразу поняла, что это он не мантру читает, а перечисляет свои услуги. – Что интересуется?

– Погружения. – Я бесцеремонно плюхнулась на кумачовый мешок.

– С инструктором, без? Снаряжение свое или наше?

– А как лучше? – Я похлопала ресничками, изображая простодушную дурочку.

– Вам-то? Вам бы лучше на берегу сидеть. – Жора вздохнул и заворочался, устраиваясь удобнее. – Рожденный ползать нырять не должен. Сертификат есть?

– Какой именно?

– Подтверждающий прохождение курсов дайвинга с минимум тремя погружениями. А, что я спрашиваю, – длинноволосый вяло махнул дланью, и подвески на засаленных нитяных браслетах забренчали. – У всех есть сертификаты. А толку-то?

– Вы сейчас о чем говорите? – спросила я-дурочка.

– О том, что получить сертификат Open Water Diver может практически любой человек от десяти лет и старше, если он здоров и находится в нормальной физической форме, так что бумажки у всех имеются, а вот мозги – далеко не у каждого. – Выдав эту тираду, Жора Воробей наградил меня неожиданно острым взором и тут же с тихим тоскливым мычанием помотал головой – видимо, отрицая наличие мозгов конкретно у меня.

Переиграла я, изображая дурочку. Но не выпасть же из роли раньше времени!

– То есть понырять мне не удастся? – Я обиженно надула губки.

– Ныряйте! – Жора махнул рукой на море. – Вынырнуть только не забудьте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.